

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 284–294

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 284–294

<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-3-284-294>, EDN: ZUYKQE

Научная статья

УДК [94:323.317](470+571)|16|+929Ознобишин

Человек и его время: государев стольник Михаил Федорович Ознобишин

М. Ю. Романов

Московское краеведческое общество Союза краеведов России, Россия, 129366, г. Москва, ул. Космонавтов, д. 2

Романов Максим Юрьевич, moscovit64@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2288-7277>, AuthorID: 1186761

Аннотация. Статья посвящена биографии одного из рядовых служилых людей по отечеству XVII в. Михаила Федоровича Ознобишина. Жизненный путь царедворца рассматривается через призму его личного восприятия такого ценностного понятия, как родовая «честь», что нашло отражение в фамильном родословии, составленном Ознобишиным в 1686 г. Впервые приводятся сведения о некоторых этапах его служебной карьеры, а также о ранее неизвестном воеводе Саратова, ставшем преемником Ознобишина на воеводском посту.

Ключевые слова: воеводское управление, Коротояк, Острогожск, родословие, Саратов, царедворцы

Для цитирования: Романов М. Ю. Человек и его время: государев стольник Михаил Федорович Ознобишин // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 284–294. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-3-284-294>, EDN: ZUYKQE

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

A man and his time: The sovereign stolnik Mikhail Fedorovich Oznobishin

M. Yu. Romanov

Moscow Local History Society of the Union of local historians of Russia, 2 Kosmonavtov St., Moscow 129366, Russia

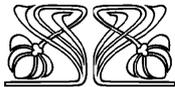
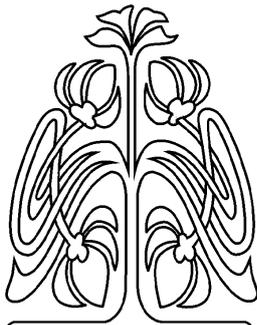
Maxim Yu. Romanov, moscovit64@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2288-7277>, AuthorID: 1186761

Abstract. The article is devoted to the biography of one of the ordinary serving people of the XVII century Mikhail Fedorovich Oznobishin. The life path of the courtier is considered through the prism of his personal perception of such a moral concept as generic “honor”, which is reflected in the family pedigree compiled by Oznobishin in 1686. For the first time, information is given about some stages of his official career, as well as about the previously unknown voivode of Saratov, who became Oznobishin’s successor at the voivodeship.

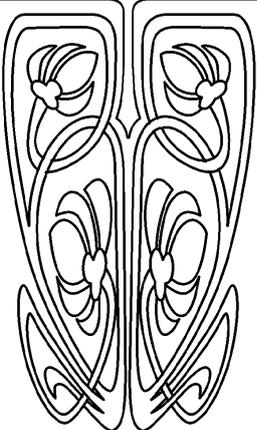
Keywords: voivodeship administration, Korotoyak, Ostrogzhsk, genealogy, Saratov, courtiers

For citation: Romanov M. Yu. A man and his time: The sovereign stolnik Mikhail Fedorovich Oznobishin. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 284–294 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-3-284-294>, EDN: ZUYKQE

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC0-BY 4.0)

**НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ**

Краткие сведения о служебной деятельности М. Ф. Ознобишина – представителя старинного русского дворянского рода – стали известны широкому кругу любителей отечественной истории уже давно. Впервые небольшая справка о его карьере, не содержащая дат, относящихся к исполнению им функций воеводы в разных городах, была составлена кн. А. Б. Лобановым-Ростовским еще в первом издании «Русской родословной книги», увидевшей свет в 1873 г. [1, с. 260]. Позднее, при подготовке второго издания своего труда, вышедшего из печати в 1895 г., автор внес дополнение, указав 1677 г. как дату пребывания Ознобишина в Саратове в качестве воеводы [2, с. 45].

В дальнейшем эта информация неоднократно воспроизводилась в различных тематических справочных изданиях и энциклопедических словарях. Среди них следует отметить известный справочник А. П. Барсукова о должностных лицах воеводского управления XVII в., в котором, видимо, по недоразумению имя Михаила Федоровича не было включено в общий список саратовских воевод, но впервые были конкретизированы сроки его пребывания на службе в других городах – Коротояке и Острогжске [3, с. 111, 166].

Данный пробел был восполнен А. А. Герклитовым при составлении отдельного списка воевод Саратова и Царицына, в котором М. Ф. Ознобишин как саратовский воевода также упоминается только под 1677 г. Необходимо отметить ошибку историка, неверно определившего придворный чин Ознобишина, на тот момент стольником не являвшимся [4, с. 69].

В более широком контексте жизненный путь воеводы нашел отражение в статье Е. Лихача, подготовленной для «Русского биографического словаря» [5, с. 199]. В нее были включены ранее неизвестные эпизоды служебной карьеры Михаила Федоровича. При этом также по не совсем ясной причине автор не учел данные «Русской родословной книги» и не менее известного «Алфавитного указателя фамилий и лиц, упоминаемых в боярских книгах ...» 1853 г. издания [6, с. 304], ограничив жизнеописание стольника событиями 1682 г.

Однако для нашего исследования главной задачей является не сколько пополнение имеющихся данных новыми сведениями и исправление допущенных ранее разными авторами ошибок, а совершенно иное целеполагание. Говоря в целом о биографическом жанре в научной литературе, не будет преувеличением сказать о том, что личностные качества рядовых служилых людей Московского царства нечасто становились предметом целенаправленного изучения. Дошедшие до нас письменные источники обычно крайне скупно освещают присущие им когда-то индивидуальные черты. Но в случае с героем нашего

очерка сохранилось достаточно много документальных свидетельств, позволяющих представить его личные воззрения в отношении таких важных для человека XVII столетия понятий, как родовая честь и служебный долг.

Как известно, немалую долю в деятельности Разрядного приказа, ведавшего назначением на службу служилых людей по отечеству, а также верстанием их поместьями и денежными окладами, занимало рассмотрение местнических дел, в которых представители московского и городского дворянства отстаивали свои интересы в стародавних спорах о «чести» и «местах» их родни в иерархии военных и административных чинов. Даже после официальной отмены местничества в 1682 г. прежнее восприятие межродовых отношений по службе продолжало доминировать в самых широких кругах русского дворянства, что в полной мере нашло отражение в «поколенных росписях», поданных служилыми людьми по распоряжению властей в конце XVII в. в специально созданную Палату родословных дел.

Роспись, представленная от рода Ознобишиных в августе 1686 г. Михаилом Федоровичем, довольно ярко иллюстрирует его персональные представления о «местах» предков и сродников в истории государства Российского и их служебной «чести». То, что составителем росписи являлся именно М. Ф. Ознобишин, не вызывает сомнения. Он первым собственным рукоприкладством за себя и за своего сына Дмитрия заверил поданные сведения, предоставив аналогичное право только одному из своих младших сородичей. На авторство Михаила Федоровича указывает и тот факт, что самая обстоятельная справка о служебной карьере одного из здравствовавших на тот момент представителей рода также связана с его именем.

Взявшись за работу по составлению родословия, Михаил Федорович возложил на себя большую ответственность, так как любые представленные в росписи сведения о служебной деятельности родственников могли быть истолкованы гипотетическими местниками в «бесчестье» и в «укоризну» всем Ознобишиным. Данное обстоятельство определяло задачу не только минимизировать саму такую возможность, но и максимально наполнить повествование выигрышными, с точки зрения местнического счета, деталями.

Исходя из необходимости решения этой непростой задачи, сформулировав справку в отношении собственной службы в третьем лице, Михаил Федорович отмечал: «У Федора Афонасьева сына Михайло сын. И во 140-м году пожалован в стольники к великому государю святейшему Филарету Никитичу патриарху Московскому и всея России, и был воеводою на Коротояке да в Острогжском, на Саратове. Да Михайло ж был с полком стрельцами

воеводою в Чернигове и ныне служит великим государям в стольниках» [7, с. 297].

В данной смысловой конструкции обращают на себя внимание несколько обстоятельств. Указание точной даты пожалования определенным чином, отсутствующие в тексте росписи в отношении других лиц еще раз убеждает нас в авторстве Михаила Федоровича. Интересно, что свое кратковременное пребывание в чине патриаршего стольника, упраздненного вскоре после кончины Филарета 1 октября 1633 г., Ознобишин выделяет как особую «честь», подчеркивая тем самым давность своей службы при Государевом дворе и подспудно связывая ее с продолжением службы в чине государева стольника в 1680-е гг. Особую значимость личного вклада автора в служебное достоинство своего рода должен был подчеркнуть перечень городов, в которых Михаил Федорович в разные годы занимал должность воеводы.

Для лиц незаинтересованных составленная стольником справка о собственной карьере выглядела сюжетом вполне заурядным, и только сведущий представитель соперничавшей фамилии мог уличить его в некотором лукавстве. Как бы невзначай, но за рамками повествования остался почти 40-летний период службы Михаила Федоровича, отдельные эпизоды которой с позиций местничества могли быть расценены как умаляющие родовую честь Ознобишиных. Именно подобные факты он и стремился тщательно умолчать.

Однако прежде чем озвучить детали, сознательно опущенные автором, необходимо отметить, что нет оснований предъявлять ему какие-либо претензии, так как действовал он сугубо в рамках законов особого жанра, в нашем случае жанра родословца, вовсе не предполагавшего объективного изложения истории фамилии.

При сличении с аналогичными «поколенными росписями» становится очевидным, что для «худородного» служилого человека главными критериями достоинства рода выступали следующие обстоятельства: давность службы представителей фамилии московским государям; их доблесть при выполнении служебных обязанностей; наличие пожалований наиболее статусными чинами и должностями.

На соответствующие факты и был сделан акцент в родословии Ознобишиных. Согласно семейным преданиям их общим родоначальником являлся некий «муж честен» Филипп Ознобиша, выехавший на службу в Москву из Польши еще при великом князе Василии Дмитриевиче. Подтвердить приведенные сведения его потомкам было затруднительно, так как «от войны, когда польской король воевал с Смоленским и Дорогобуж во 118 и во 119 годах, родственников наших жен и детей посекали и в полон побрали, и дома их в конец разорили, и в то время выезд родителя

нашего и жалованные милостивые великого князя грамоты в таком разорении утерялись. И от такого смертного разорения службе и чести в подлиннике изъявить не можно» [7, с. 296].

По всей видимости, семейное предание Ознобишиных имело под собой реальные основания, так как внук и правнук Филиппа Ознобиши – Василий Остафьевич и Никита Васильевич – в конце правления великого князя Ивана III уже занимали третьестепенные административные должности волостелей в замосковских уездах страны, на что имели соответствующие кормленные грамоты, упомянутые в родословии. Сделанные с них позднейшие списки сохранились в семейном архиве Ознобишиных и дошли до нашего времени, как и списки с жалованных грамот, выданных Василию Остафьевичу на села в Суздальском и Муромском уездах [8, с. 291–292].

Несомненно, фамильной гордостью Ознобишиных являлись их предки, сложившие головы на полях сражений. Только в печально известном сражении под Конотопом 1659 г. пало пятеро представителей фамилии. Необычные обстоятельства гибели в бою подчеркивались особо – Никифор Иванов сын Ознобишин, жилец, убит «под Вильною из пушки»; жильцу Никифору Максиму сыну Ознобишину «под Чигириным турецкие люди отсекли голову». В отношении своего родного деда Афанасия Михайловича Михаил Федорович писал: «... Убит на службе под Шкловым, как посыланы ратные люди от царя и великаго князя Иоанна Васильевича всея России самодержца под Шклов из Полоцка» [7, с. 297].

Говоря о своем отце и его брате, стольник отмечал: «У Афонасья Михайлова сына дети: Федор, Василий – а служили великому государю царю и великому (sic) Федору Ивановичу всея России самодержцу в житие, а великому государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всея России самодержцу служили по московскому списку. А за осадное московское сиденье, как сидели при царе Василье Иоанновиче всея России ... [и д]ана им жалованная грамота царя и великаго князя Михаила Феодоровича всея России самодержца. Василий Афонасьев сын был воеводою на Крапивне. Да он же был воеводою на Волокуланском». С этого времени многие Ознобишины стали включаться в число царедворцев, служа при Государевом дворе «из житья», по московскому списку, стряпчими, стольниками, что и было подробно зафиксировано в росписи наряду с назначением одного из дальних родственников на воеводство в Серпейск [7, с. 297–298].

Но о чем же умолчал Михаил Федорович? Оставляя за кадром явные неточности в определении степени родства отдельных предков, живших в XVI столетии, пропуски имен некоторых из них, отметим наиболее существенное. В своем изложении скрупулезно продуманного генеалогического материала стольник ни разу

не упоминает тот факт, что на протяжении значительной части истории рода большинство его представителей являлись рядовыми городовыми детьми боярскими, служившими по Дорогобужу. Упоминание об общей малой родине Ознобишиных встречается только раз в связи с разорением Смоленской земли поляками в годы Смуты и гибели там многих родных и близких людей. Возможно, тем самым составитель росписи, объясняя обстоятельство утраты древних жалованных грамот, желал отдать дань памяти невинно убиенным родственникам, но в дальнейшем повествовании постарался всячески избегать упоминаний о давней связи рода с дорогобужским «служилым городом».

В этом был свой резон. Дело в том, что среди корпораций уездных служилых людей существовала своя внутренняя иерархия, в которой дорогобужане имели далеко не самый высокий статус. Данный вопрос остается практически неизученным, и можно только предположить, что иерархия «служилых городов» определялась временем формирования местных сообществ служилых землевладельцев и их первоначальным персональным составом [9, с. 350–360]. Даже после утраты по итогам Смуты своих родовых поместий и вотчин дорогобужские дворяне и дети боярские сохраняли свою прежнюю организационную структуру, по факту являясь экстерриториальным соединением служилых людей, испомещенных в различных уездах страны. К нему и относилась большая часть лиц, упомянутых в «поколенной росписи» Ознобишиных.

Данное обстоятельство вынуждало Михаила Федоровича быть особо внимательным к отдельным эпизодам семейной истории, раскрывавшим дорогобужские корни его рода. В частности, выделяя как значимую заслугу участие своего отца и дяди в «московском осадном сиденье» при царе Василии Шуйском, удостоверенную жалованной грамотой новоизбранного государя Михаила Федоровича, он умалчивал тот факт, что документ подтверждал прежнее пожалование братьев Ознобишиных вотчиной в Дорогобужском уезде.

Упомянутое в грамоте сельцо Лопатино с деревнями и пустошами, как следует из документа, составляли старинное поместье данной ветви Ознобишиных, часть которого передавалась братьям в вотчинное владение за то, что они «*против врагов стояли мужественно, без всякого позыбанья*» [10, с. 44–45]. Несомненно, это владение являлось основой благосостояния семьи, сохранить которое в условиях междоусобицы братья стремились любыми средствами, о чем свидетельствует получение Василием Афанасьевичем в сентябре 1610 г. «листа» от польского короля на их общую с братом Лопатинскую «отчизну и поместье» [11, с. 352]. Однако в реалиях 1614 г., когда составлялась новая жалованная грамота

царя Михаила Федоровича [12, с. 356], данное пожалование скорее выступало моральным поощрением, вселявшим лишь надежду на возможный возврат утраченной собственности.

Еще более весомым свидетельством осторожного и вдумчивого подхода Михаила Федоровича к изложению сведений из прошлого своей семьи выступают данные о его отце – Федоре Афанасьевиче. Из текста росписи следует, что он вместе с младшим братом Василием (возможно, и братом-близнецом) прошел по жизни плечом к плечу – вместе служили «в житье» при царе Федоре Ивановиче, а затем дворянами московскими при новой царской династии. Однако документы раскрывают перед нами совершенно иную действительность.

Василий Афанасьевич стал первым представителем рода Ознобишиных, которому удалось пробиться в ряды дворян московских. В этом чине он известен, по крайней мере, с мая 1624 г. [13, стб. 617]. Его брат продолжал службу по Дорогобужу и в 1622 г. числился выборным дворянином, имевшим высокий поместный оклад в 850 четей, денег из чети 42 руб. Правда, с наполнением окладов реальными материальными составляющими дело обстояло не столь благополучно.

Во время проведения в 1622 г. разбора смолян, вязмичей, дорогобужан и других владимирских помещиков выяснилось, «*что он собою добр и служить ему мочно, а ныне беден, и поместье за ним худо, в дачах сто осмнатцать чети, крестьяне из за него все разбежались в те же поры, как ему поместье дано, потому что за помещики наперед сево не бывали, а ныне свозил по государеве грамоте восемь бобылей, на службе наперед сево бывал на добром коне, и простая лошадь за ним бывала, а ныне, толко государь пожалует ево денежным жалованьем, и ему мочно быть на службе на коне ж с пищалью с саблею да человек в кошу, денег ему из чети сорок два рубли, да и сам Федор сказал тож, что и окладчики про него сказали, у него ж сын Михайло дву лет*» [14, л. 47–47 об.].

Сведения из разборной десятины 1622 г. указывают не только на истинное материальное положение Федора Афанасьевича, но и раскрывают преклонный возраст его единственного сына на момент составления родословия, датой рождения которого следует считать 1620 г. Как следует из более поздних сведений, детство Михаила прошло в одном из поместий отца во Владимирском или Суздальском уезде, за которым в 1632 г. уже числилось 286 с половиною четей земли и 22 крестьянских и бобыльских двора [15, с. 166]. К 1630 г. несколько увеличился и денежный оклад дорогобужанина – «владимирского помещика», составлявший теперь 44 руб. Здесь небезынтересно отметить, что к этому времени остальные его сродственники, состоявшие

на службе, значились в числе «*рязанских помещиков*» [16, с. 530, 535–536].

Одним из последних земных дел Федора Афанасьевича стало определение 12-летнего сына на службу при Патриаршем дворе в 1632 г., что открывало перед ним определенные перспективы. В том же году Федор Афанасьевич, выслуживший на склоне лет чин дворянина московского [17, с. 499], скончался, ненадолго пережив своего брата Василия. Однако обозначенной в родословии их совместной службы по московскому списку никогда не было в силу того, что пожалование в царедворцы отца Михаила Федоровича состоялось уже после кончины Василия Афанасьевича 4 августа 1630 г. Его место занял брат, переведенный из дорогобужан в московские дворяне 22 августа того же года [17, с. 375, 391]. Вместе с чином брата Федор Афанасьевич унаследовал и его незавершенное «государское дело». В 1627 г., вскоре после возвращения Василия Афанасьевича с воеводства в Волоколамске, ему было поручено проведение земельного описания Белевского уезда [18, с. 96], которое удалось завершить его преемнику только в 1631 г. [19, с. 85].

С момента кончины отца Михаил Федорович на некоторое время стал единственным представителем своей ветви рода Ознобишиных, прожив достаточно долгую жизнь, однако отдельные ее периоды остаются неясными. Как упоминалось выше, большая часть его служебной карьеры и вовсе не нашла отражения в «поколенной росписи», что никак нельзя объяснить скромностью ее составителя. К настоящему времени удалось установить, что после непродолжительного пребывания в чине патриаршего стольника в 1634 г. он был переведен на службу жильцом [20, с. 39, 58], на которой оставался вплоть до 1641 г. [21, с. 286]. Затем следы М. Ф. Ознобишина теряются.

Судя по тому, что в материалах жилецкого разбора 1643 г., сохранившихся достаточно полно, а также в боярских списках 1640–1660-х гг. его имя отсутствует, можно предположить, что около 1642 г. он был переведен в сотенную службу и, скорее всего, зачислен по родству в общий список дорогобужских дворян и детей боярских. К сожалению, данные по их персональному составу за интересующий нас период пока не обнаружены.

Однако нельзя исключить и другой ситуации, при которой бывший жилец после определения на службу со своим «городом» через некоторое время получил новое назначение на должность, не относившуюся к ведению Разрядного приказа, например, был назначен в начальные люди (сотником или головой) в один из городских стрелецких приказов. Подобная версия также имеет право на существование, хотя проверить ее практически невозможно в силу утраты большей части архива Стрелецкого

приказа. В пользу подобного развития событий в карьере М. Ф. Ознобишина указывает факт его назначения в конце 1657 г. головой 10-го приказа московских стрельцов [22, стб. 1512], расквартированного на Арбате, вблизи Смоленских ворот Земляного города, которым он командовал до января 1668 г. [23, с. 271].

Стрелецкая служба Михаила Федоровича складывалась вполне успешно и даже сделала его известным лично государю Алексею Михайловичу. Уже в своем первом походе в составе полка воеводы кн. И. А. Хованского, сосредоточенного в Пскове и периодически вступавшего в приграничные боевые столкновения со шведами, ему довелось стать участником переговоров о перемирии с парламентарями начальника шведского гарнизона осажденной Нарвы. 21 апреля 1658 г. стрелецкий голова лично сообщил шведам о согласии русских на временное прекращение военных действий [24, с. 51].

По окончании службы, уже в период пребывания в столице, 6 июля 1658 г. М. Ф. Ознобишин был включен в число стрелецких голов, которым было доверено стоять у государева стола во время торжественной трапезы в Грановитой палате по случаю приема грузинского царя Теймураза Давыдовича, касимовского и сибирских цариц [25, стб. 141].

В ходе кампании 1659 г. Михайлов приказ Ознобишина находился в составе полка боярина и воеводы кн. Ю. А. Долгорукова, прикрывавшего южные границы страны в районе тульских засек. По возвращении в Москву 30 сентября М. Ф. Ознобишина совместно с другими начальными людьми «за переградою жаловал великий государь к своей государевой руке» [23, с. 34–35].

23 февраля 1660 г. начался новый поход, «за пол 2-часа до ночи или на государеву службу головы стрелецкие: Василей Пушечников, Тимофей Полтев, Михайло Ознобишин с своими приказы; а великий государь изволил смотреть их службы с переходов... у Михаила Ознобишина: 4 лошади, 6 ч. людей» [23, с. 60]. В начале мая приказы влились в соединение воеводы кн. И. А. Хованского, безуспешно осаждавшего г. Ляховичи в Белоруссии [26, с. 79]. Однако быстрое приближение основных сил польского войска вынудило воеводу принять бой 18 июня в не самых выгодных для себя условиях, что привело к тяжелому поражению его корпуса. Это сражение вошло в историю, как битва под Полонкою. Потери русского войска были значительными, а судьба нашего героя на некоторое время оказалась неопределенной.

Спустя три недели после получения вестей о трагическом исходе сражения государь Алексей Михайлович писал одному из своих приближенных: «*Да будет тебе ведомо, что Поляки боярина нашего и воеводу князь Ивана Андреевича Хованского за его беспутную дерзость, что он кинулся с двумя тысячами конными да с тремя*

приказы Московскими противу двадцати тысяч, а шел не строем, ... не успели и отыкатца, а конные выдали побегжали; а пеших лучших людей побили с две тысячи человек, а конных малая часть побито, да Михайла Ознобишина убили ж ...» [27, с. 257].

Однако вскоре выяснились, что стрелецкий голова в том бою выжил, но оказался в плену у поляков. Возможно, не без личного участия государя в июне 1661 г. после годового «полонного терпенья» он был обменен на шляхтича Миколая Сологуба, «поручика гусарского строя» [28, с. 183], и затем продолжил командовать своим стрелецким приказом, вместе с которым зимой 1663/64 г. находился на гарнизонной службе в Смоленске [29, с. 115].

Трудно сказать, насколько пережитое повлияло на мировоззрение Михаила Федоровича, но в марте 1664 г. мы встречаем его среди покупателей дорогостоящего издания Библии, впервые осуществленного Московским Печатным двором годом ранее по личному распоряжению царя. Цена книги достигала 5 руб. серебром [30, с. 132, 150] – суммы по тем временам весьма значительной. Этот факт позволяет судить о стрелецком голове не просто как о человеке грамотном, а более как о человеке глубоко религиозном, стремящемся к максимальному познанию Слова Божьего, хотя нельзя исключать, что данная книга должна была стать его вкладом в один из московских храмов в знак благодарности Всевышнему за избавление от преждевременной гибели.

Незадолго до завершения службы в стрелецких головах, в мае 1667 г. по случаю заключения Андрусовского перемирия с Польшей М. Ф. Ознобишина наряду с другими командирами пехотных частей государь пожаловал 10 аршинами атласа, а также серебряным кубком, вместо которого было дано деньгами – 11 руб., 13 алтын, 2 денги [31, л. 196 об.]. Особо отмечался вклад командиров в боевую подготовку подчиненных – «и стрельцов выучили всякому ратному строю» [32, с. 153]. Однако ни одно из упомянутых обстоятельств, связанных с десятилетним периодом стрелецкой службы составителя родословия, даже явно выигрышных с точки зрения служебной «чести» (в частности, «полонное терпенье»), не нашло отражения в «поколенной росписи».

Этот факт можно объяснить тем обстоятельством, что согласно давней традиции служба родни в стрелецких рядах рассматривалась в кругах столичного дворянства как дело малопочетное, наносящее урон родовой чести. Например, современники и сослуживцы М. Ф. Ознобишина стольники и стрелецкие полковники Н. Д. Глебов и А. И. Данилов в 1683 г. настойчиво требовали своей отставки, утверждая, что сродники их в таком чине никогда не бывали, и просили официально зафиксировать, чтобы их нынешняя

стрелецкая служба «впредь от иных родов была не в упрек и не в укоризну» [33, с. 273].

Умалчивая о своей длительной службе в стрелецких головах, Михаил Федорович не мог полностью обойти стороной эту главу своей биографии, так как именно его повторное назначение командиром одного из московских стрелецких полков, состоявшееся в начале стрелецкого бунта в мае 1682 г. [34, с. 289], обеспечило ему возможность получения чина стольника. По сложившейся к этому времени практике лицам, назначаемым на должность стрелецких полковников, автоматически присваивался данный придворный чин [35, с. 626]. Результатом осторожной подборки формулировок в отношении этого факта стал не до конца внятный комментарий, внесенный в родословие: «*Да Михайло ж был с полком стрельцами воеводою в Чернигове и ныне служит великим государям в стольниках*» [7, с. 297]. Совершенно очевидно, что в данной смысловой конструкции акцент делался на занятие Ознобишиным более почетной должности городского воеводы, оттенявшей обстоятельства ее получения.

События 1682–1683 гг. для личностной характеристики новоиспеченного стольника заслуживают особого внимания. Возвращение Михаила Федоровича в стрелецкую службу, прежде всего, было вызвано острой потребностью властей в опытных командирах, на которых возлагалась задача по усмирению взбунтовавшихся стрельцов, которые в ходе вооруженного выступления добились не только отставки и наказания наиболее неугодных им полковников, но и некоторых вновь назначенных командиров «*начали отгонять от себя, палками в них бросать, камнем метать и сквернословить их, что едва тогда они, полковники, живот свой от них, стрельцов, уходя, спасали*» [36, с. 368].

В этих непростых условиях Ознобишину, возглавившему Седьмой полк, размещавшийся в Заяузье, удалось добиться не только подчинения и успокоения рядовых стрельцов, но и купировать влияние полчан, ставших активными участниками движения раскольников, развернувшегося в Москве летом 1682 г. Все это свидетельствует об определенном авторитете стольника в стрелецкой среде и незапятнанности его имени неблаговидными поступками по службе.

Осенью 1682 г. (не ранее октября) Михайлов полк Ознобишина получил распоряжение выступить на годовую службу в Чернигов, где ему предстояло сменить находившийся там Второй полк московских стрельцов под командованием подполковника Б. Ф. Дементьева. Источники довольно противоречиво освещают события, происходившие в это время в городе. Видимо, Михаилу Федоровичу были предоставлены расширенные полномочия, предполагавшие параллельное исполнение им воеводских функций

по причине убытия из Чернигова прежнего воеводы Г. Камынина [37, с. 60]. По указу от 15 октября 1682 г. его должен был сменить окольный И. Ф. Пушкин [38, с. 134], но он задержался в Москве по причине болезни [39, с. 157]. По крайней мере, в середине ноября именно Ознобишину пришлось оглашать перед местным гарнизоном царскую грамоту об умиротворении стрелецкого гарнизона Москвы и составлять отписку в Малороссийский приказ о взятии со стрельцов Борисова полка Дементьева «сказок» об их верности государям [37, с. 235–236].

В начале 1683 г. престарелый стольник получил отставку из стрелецких полковников, а кратковременное исполнение воеводских обязанностей в Чернигове пополнило его довольно длинный послужной список как опытного администратора, не раз занимавшего аналогичные должности в других порубежных городах юга России.

Наиболее ярко организаторские способности Ознобишина и его ответственный подход к исполнению должностных обязанностей проявились в период исполнения им функций городского воеводы в Коротояке, а затем в близлежащем Острогожске. Указ о его посылке на воеводство состоялся весной 1670 г. Первоочередная задача, поставленная перед ним, состояла в проведении розыска в отношении прежнего воеводы Федота Вындомского, якобы из корыстных побуждений не огласившего царскую грамоту о запрете торговым людям проезда на Дон по причине набиравшего силу антиправительственного движения под предводительством атамана Степана Разина. Следственные действия новый воевода провел в кратчайшие сроки и по мере выяснения всех обстоятельств дела де-факто оправдал обвиняемого, поручив ему лично отправиться в Москву с текущей служебной отпиской, которая была доставлена Вындомским в Разряд 17 сентября [40, с. 171, 177–178, 229, 240–241; 41, с. 36].

Параллельно с проведением следствия Ознобишину пришлось решать значительно более сложную задачу по усилению обороноспособности вверенного ему города. В течение июля – августа 1670 г. спешно были проведены масштабные работы по обновлению укреплений Коротояка – *«построил вновь город рубленой з башни и покрыл тесом и ров около города выкопал и ослонял дубовым лесом»*. Столь же быстро новому воеводе удалось пополнить местный стрелецкий гарнизон, насчитывавший к моменту его прибытия всего 30 чел. К ним в прибавку было набрано еще 370 чел. и вместе с прибывшей из столицы сотней московских стрельцов [42, с. 377–378] в распоряжении воеводы оказалось полноценное подразделение огнестрельной пехоты. В целом под началом Михаила Федоровича находились довольно крупные силы, так как по смете Белгородского разряда на Коротояке

числились 1280 служилых людей полковой и городской службы, хотя на деле их реальное число было значительно меньше [40, с. 229].

С первых же дней нахождения в Коротояке особой заботой воеводы стал сбор сведений о передвижениях отрядов «воровских казаков» и крымских татар. Поступавшие сведения незамедлительно отправлялись как в столицу, так и воеводам близлежащих крепостей и, в первую очередь, воеводе Белгородского полка боярину кн. Г. Г. Ромодановскому. В связи с этим заслуживает особого внимания наблюдение воронежского историка В. М. Брезгуновой, посвятившей событиям в Коротояке отдельное исследование. В частности, она отмечала, что отписки Ознобишина по своему содержанию являлись довольно эмоциональными, что выдавало «ощутимое волнение воеводы» [43, с. 373]. Однако для этого были все основания.

Благодаря оперативным действиям Ознобишина 14 сентября 1670 г. в самом зародыше был подавлен мятеж в соседнем Острогожске, где группа донских казаков при молчаливой поддержке изменившего государю рыбенского казачьего полковника И. Дзинковского расправилась с местным воеводой и начала чинить всякое «воровство». Воеводе удалось убедить острогожцев оставаться верными крестоцелованию и содействовать аресту участников мятежа. Во многом успеху дела способствовали заверения Михаила Федоровича о скором прибытии в Острогожск основных сил Белгородского полка.

Отчитываясь о произошедших событиях, Ознобишин сообщил в Москву, что, убывая из Коротояка, он оставил город под началом своего сына Степана, видимо, на тот момент еще совсем молодого человека, которому должны были содействовать капитан В. Макиновский и сотник московских стрельцов И. Тебеньков. Предпринятые Михаилом Федоровичем действия получили в столице полное одобрение: *«Великий государь слушав, указал к Михайлу Ознобишину послать свою государеву грамоту с милостивым словом, и чтоб он и впредь государю служил и жил с великим береженьем и вести проводывал»* [41, с. 30].

В течение сентября гарнизон Коротояка был усилен подразделениями рейтарского полка Г. Полтева и сумскими казаками полковника Г. Кондратьева. Присланное пополнение оказалось очень своевременным, так как 27 сентября вблизи города показались струги и будары «воровских казаков» Фрола Разина, отряд которого насчитывал около 2 тыс. чел. Стремясь не допустить «воров» к городским стенам, воевода и полковники вывели своих ратных людей к берегу речки Коротоячки, где в течение 3 ч они сдерживали натиск разинцев вплоть до подхода из Острогожска главных сил боярина и воеводы кн. Г. Г. Ромодановского. «Жестокое наступление» государевых ратных людей предопределило

исход сражения, завершившегося полным разгромом повстанцев [41, с. 50–51].

На завершающем этапе своей службы в Коротояке, продолжавшейся вплоть до конца 1671 г., М. Ф. Ознобишин, следуя царским указам, основное внимание уделял отслеживанию передвижения торговых и рабочих людей, из которых никто не должен был миновать установленные повсеместно заставы [42, с. 161]. Немало времени занимали розыски в отношении подозрительных лиц, появлявшихся на территории уезда, хлопоты по обустройству новоприбранных стрельцов.

В декабре 1671 г. Ознобишин получает указание занять должность воеводы в г. Острогоске, в котором он находился, по меньшей мере, до лета следующего года. Вероятно, данное назначение было связано с нехваткой деятельных администраторов, имевших должный опыт военной службы, так как весной стала очевидной резкая активизация крымских татар, отряды которых появлялись в самых разных местах Придонья. Ярким свидетельством тому служат отписки Ознобишина, содержавшие сведения о численности и маршрутах перемещения татарских «воинских людей», которые посылались им в Коротояк к новому воеводе В. И. Философову [44, с. 264–266, 268–269].

К числу неясных эпизодов биографии М. Ф. Ознобишина относится вопрос: в каком чине после отставки из стрелецких голов он убыл на воеводство в 1670 г.? Впервые в перечне дворян московских его имя появляется только в боярском списке 1673/74 г. [45, л. 93 об., 95]. Этот факт можно расценивать как пожалование Михаила Федоровича за проявленное усердие. Необходимо также отметить, что реальное материальное вознаграждение за его прошлую «радетельную службу» на воеводских постах в период разинщины была отмечена правительством только 10 лет спустя.

24 августа 1682 г. последовал царский указ «за тое службу и за городовое строенье и за прибор стрельцов к прежнему ево окладу учинено придачи помесного 200 чети, денег 30 рублей» [42, с. 378]. По всей видимости, инициатива рассмотрения вопроса о пожаловании принадлежала самому Ознобишину, не удовлетворенному только моральным поощрением своего служебного рвения и попытавшемуся в условиях стрелецкой смуты добиться более ощутимого вознаграждения. При этом практическая реализация указа заняла довольно длительное время, и переписка между ведомствами по данному вопросу продолжалась еще в сентябре 1683 г. [46, с. 199–200, 237].

Десятилетний период жизни Михаила Федоровича (1672–1682 гг.) источники освещают фрагментарно. Наиболее значимым событием за это время стало его назначение на воеводство в Саратов. Но и здесь имеются только

отрывочные сведения о его административной деятельности. Как удалось установить дореволюционному саратовскому краеведу В. П. Юрьеву, М. Ф. Ознобишин находился в городе летом – осенью 1677 г. На него было возложено решение задачи по землеустройству сенных угодий в окрестностях новопостроенной саратовской крепости во избежание конфликтов между местными жителями – «... и в те сенные покосы нашим дворцовым крестьяном в градское, а градским людям в крестьянские не въезжать и сена не косить и скотин не пускать и лугов не толочить, налог и обид никаких не чинить» [47, с. 219]. Работа, проведенная М. Ф. Ознобишиным в полном объеме, на десятилетия решила спорные вопросы в этой сфере городской жизни, а результаты его межевания оставались обязательными для местных властей еще и в начале XVIII в. [47, с. 217–219, 224].

К сожалению, точных данных о временных рамках пребывания Ознобишина на воеводстве в Саратове обнаружить не удалось. Однако можно предположить, что именно ему довелось сменить весной 1676 г. первого воеводу правобережного Саратова стольника М. И. Глебова. Косвенным свидетельством тому выступает челобитная бывшего соратника Михаила Федоровича по стрелецкой службе Аф. И. Левшина, подавшего вскоре после своей отставки в 1676 г. на имя царя Федора Алексеевича челобитную с просьбой: «Вели Государь мне быти на своей Государеве службе на Саратове на Михайлово место Ознобишина, как ему Михайлу минет указное число» [48, с. 387].

Судя по тому, что в большинстве случаев присылаемые из Москвы воеводы в царствование Алексея Михайловича находились на службе в Саратове в течение двух лет, можно также предполагать, что «указное число» плановой замены Ознобишина определялось на начало 1678 г. Если проведенный расчет верен, то мы узнаем имя царедворца, ранее неизвестного, которому Михаилу Федоровичу в действительности предстояло передать служебные дела. Им являлся стольник Михаил Романович Воейков, в родословии которого имеется запись: «И по указу государя царя и великого князя Феодора Алексеевича ... Михайла был на Саратове воеводою» [7, с. 282]. Следовательно, период воеводства М. Р. Воейкова падает на 1678–1680 гг. – временную лауну, до настоящего времени не заполненную исследователями, занимавшимися вопросами истории городского управления Саратова.

Приведенный эпизод из административной деятельности Михаила Федоровича в Саратове наряду с другими примерами из его служебной карьеры позволяет сделать некоторые обобщения. Характеризуя его личность как руководителя, не будет преувеличением сказать, что перед нами предстает человек ответственный и весьма

расторопный при достижении реальных результатов своей деятельности. В отличие от многих его сослуживцев и современников не находится ни единого намека на какие-либо допущенные им злоупотребления или нерадение по службе. Нельзя не отметить и его вдумчивый подход при исполнении тех или иных задач, что нашло отражение как во многих деталях его служебной переписки, так и при составлении родословия. Завершая его написание, Михаил Федорович не забыл упомянуть о том, что «*окромя их, вышеупомянутых, в роде нашем других Ознобишиных нет. А которые служат по Алексине и по Алексине изпомещены, пишутся Ознобишиными, и те Ознобишины не нашего роду*» [7, с. 298]. Тем самым стольник ставил еще один заслон возможным «укоризнам» в адрес своей фамилии, «честь» которой выступала для него очевидной ценностью.

«Поколенная роспись» дорогобуждцев Ознобишиных оставила нам и одну нерешенную загадку. Нельзя исключать, что она стала следствием оплошности переписчика, делавшего копию документа спустя многие десятилетия. Однако не находится ни следов частичной утраты текста из-за ветхости оригинала, что отмечалось копиистом особо, ни каких-либо стилистических несоответствий.

Говоря о своем потомстве, стольник писал: «*У Михайла Федорова сына Дмитрий сын – служит в стольниках*» [7, с. 298]. Но из документов мы знаем, что Ознобишин имел двух сыновей – Федора и Степана. И если в отношении младшего сына, упоминаемого в одной из служебных отписок 1670 г., можно с определенной долей уверенности утверждать, что тогда было использовано мирское прозвище либо крестильное имя Дмитрия Михайловича, то отсутствие в родословии имени его старшего брата пока не поддается объяснению.

Известно, что Федор Михайлович Ознобишин был пожалован в стряпчие рейтарского строя [49, с. 142] в апреле 1663 г., но служба его оказалась непродолжительной по причине преждевременной смерти в 1668 г. [50, с. 282] Незадолго до своей кончины он был случайно вовлечен в уличный конфликт, произошедший 11 января 1668 г. на Большой Знаменской улице в Москве. Федору пришлось заступиться за М. Голохвастова и его холопов, жизнь которых оказалась под угрозой во время нападения на них дворовых людей дворян Головиных. Спасаясь от обидчиков, они устремились «*ко двору (к) голове московских стрелцов к Михаилу Федорову сыну Ознобишину*», откуда вслед за денщиками и караульщиками стрелецкого командира «*выбежал из двора ево ж сын ево Михайлов Федор Ознобишин*» [51, с. 76]. Он укрыл пострадавших на подворье отца, а спустя некоторое время, дал им для оберегания сопровождавших из числа стрельцов [51, с. 76].

Чем завершились разбирательства по данному конфликту и обстоятельства смерти одного из главных его свидетелей, неизвестно, но описанный случай выступает еще одним, пусть незначительным, но показательным штрихом к славной истории рода Ознобишиных, многие из которых продолжили служение Отечеству вплоть до падения Российской империи. Сам Михаил Федорович, скончавшийся на исходе XVII столетия, останется в истории одним из достойных его представителей.

Список литературы

1. Лобанов-Ростовский А. Б., князь. Русская родословная книга. Издание «Русской старины» : в 2 т. СПб. : Тип. Министерства Путей Сообщения (А. Бенке), 1873. Т. 1. 379 с.
2. Лобанов-Ростовский А. Б., князь. Русская родословная книга : в 2 т. Изд. 2-е. СПб. : Изд. А. С. Суворина, 1895. Т. 2. 481 с.
3. Барсуков А. П. Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия по напечатанным правительственным актам. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1902. 611 с.
4. Гераклитов А. А. Список Саратовских и Царицынских воевод XVII в. // Труды СУАК. 1913. Вып. 30. Саратов : Тип. Союза Печатного Дела, 1913. С. 61–82.
5. Русский биографический словарь. Изд. под наблюдением пред. Импер. Рус. ист. о-ва А. А. Половцова : в 25 т. СПб. : Тип. Главного Управления Уделов, 1905. Т. 12 (Обезьянинов – Очкин). 481 с.
6. Иванов П. И. Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в боярских книгах, хранящихся в 1-м отделении Московского архива Министерства юстиции, с обозначением служебной деятельности каждого лица и годов состояния в занимаемых должностях. М. : Тип. С. Селивановского, 1853. 505 с.
7. Родословные росписи, поданные в Палату родословных дел в конце XVII в. : выборное московское дворянство / публикация Л. Е. Шабаева // Российская генеалогия : научный альманах / гл. ред. А. В. Матисон. М. : Старая Басманная, 2019. Вып. 5. С. 138–402.
8. Антонов А. В. Частные архивы русских феодалов XV – начала XVII века // Русский дипломатарий / ред. А. В. Антонов. М. : Древлехранилище, 2002. Вып. 8. 652 с.
9. Эскин Ю. М. Очерки истории местничества в России XVI–XVII вв. М. : Квадрига, 2009. 509 с.
10. Опись делам Шацкого архива, отобранным для хранения членом Комиссии П. И. Пискаревым : Приложение 17 // Известия ТУАК. 1889. Тамбов : Тип. Губернского Правления, 1889. Вып. 25. С. 44–45.
11. Жалованные и другия грамоты польского короля Сигизмунда московским сановникам, дворянам, детям боярским и другим лицам // Акты относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией : в 5 т. СПб. : Тип. Эдуарда Праца, 1851. Т. 4. С. 320–427.
12. Веселовский С. Б. Документы Печатного приказа (1613–1615 гг.). М. : Наука, 1994. 479 с.

13. Дворцовые Разряды, по Высочайшему повелению изданные 2-м Отделением собственной Его Императорского Величества канцелярии (далее – Дворцовые Разряды) : в 5 т. СПб. : В Типографии 2-го Отделения Собственной ЕИВ канцелярии, 1850. Т. 1 (1612–1628). [4], XXXVI с., 1184, XII стб.
14. Десятина розных городов смолян, вязмич, дорогобужан, дмитровцев, дворян и детей боярских разных помещиков, списана с разборного списка разбора во Владимире боярина князя Ивана Федоровича Хованского да дьяка Василия Юдина 130 г. // Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 210 (Разрядный приказ). Оп. 4. Дела десятиен. № 18.
15. *Сташевский Е. Д.* Землевладение московского дворянства в первой половине XVII века. М. : Историкородословное общество, 1911. 237 с.
16. Служилые «города» Замосковского края и «от Литовской украины» : указатель состава дворян и детей боярских по десятиям и спискам 1620-х – 1630-х годов / сост. В. Н. Козляков // Российская генеалогия : научный альманах / гл. ред. А. В. Матисон. М. : Старая Басманная, 2021. Вып. 10. С. 273–710.
17. «Подлинные» боярские списки 1626–1633 годов : сборник документов / сост. Е. Н. Горбатов. М. : Древлехранилище, 2015. 735 с.
18. Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции (далее – ОДИБ МАМЮ) : в 21 кн. СПб. : Тип. Правительствующего Сената, 1869. Кн. 1. 558 с.
19. Писцовая и межевая выпись Василия и Федора Афанасьевичей Ознобишиных и подьячего Андрея Галкина строителю Троицкого Жиздринского монастыря Иосифу на монастырскую вотчину ... (1627–1631) // Описание Грамот Коллегии экономии / подг. А. В. Антонов : в 3 т. Т. 1 (А – И). М. : Древлехранилище, 2016. 1192 с.
20. Документы разбора стольников патриарха Филарета (1633–1634) / публикация Е. Н. Горбатова // Российская генеалогия : научный альманах / гл. ред. А. В. Матисон. М. : Старая Басманная, 2017. Вып. 2. С. 21–67.
21. Записная книга Московского стола, 1640/1641 г. // Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией (далее – РИБ) : в 39 т. СПб. : Тип. Министерства Внутренних дел, 1886. Т. 10. С. 201–300.
22. Дела Тайного приказа. Книги персидских товаров // РИБ : в 39 т. СПб. : Сенатская типография, 1904. Т. 23. Стб. 1413–1583.
23. Дневальные записки приказа Тайных дел 7165–7185 гг./публикация С. А. Белокурова. М. : Имп. об-во истории и древностей Российских при Моск. ун-те, 1908. 347 с.
24. *Гадзяцкий С. С.* Борьба русских людей Ижорской земли в XVII веке против иноземного владычества // Исторические записки : в 118 т. Т. 16 / отв. ред. акад. Б. Д. Греков. М. : Акад. наук СССР, Ин-т истории, 1945. С. 14–57.
25. Дополнения к Тому 3-му Дворцовых разрядов издаваемых по высочайшему повелению 2-м Отделением Собственной ЕИВ канцелярии. СПб. : В Типографии 2-го Отделения Собственной ЕИВ канцелярии, 1854. 484 стб.
26. *Бабулин И. Б.* Битва под Полонкою. 1660 год. // Рейтар : военно-исторический журнал. 2005. № 15 (3). С. 70–84.
27. Письма царя Алексея Михайловича к стольнику Афанасью Матюшкину. 1650–1661 // Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией (далее – ДАИ) : в 12 т. СПб. : В типографии Эдуарда Праца, 1848. Т. 3. С. 252–258.
28. ОДИБ МАМЮ : в 21 кн. Кн. 18. М. : Синодальная Типография, 1913. [7], 411, 110 с.
29. *Бабулин И. Б.* Московский поход короля Яна II Казимира 1663–1664 гг. М. : Фонд «Русские витязи», 2022. 136 с.
30. Читатели изданий Московской типографии в середине XVII века / публ. документов и исслед. С. П. Лупова. Л. : Наука. Ленингр. отделение, 1983. 167 с.
31. Именная роспись служилых людей старшего и среднего командного звена подразделений «пешего строя», пожалованных по случаю заключения перемирия с Речью Посполитой. 1667 г., мая 24 // РГАДА. Ф. 396 (Архив Оружейной палаты). Оп. 1. № 321
32. *Романов М. Ю.* «И на боях бились, не щедя голов своих...» (опыт реконструкции истории 18-го московского стрелецкого приказа) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : История. Международные отношения. 2020. Т. 20, вып. 2. С. 149–160. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-2-149-160>
33. *Миллер Г. Ф. (Ф. И.)*. Известие о дворянах российских. СПб. : Издано И[ваном] Р[ахманиновым], 1790. [6], 494, [4] с.
34. *Романов М. Ю.* Стрельцы московские. М. : [б. и.], 2004. 350 с.
35. *Романов М. Ю.* К вопросу о служебной «чести» начальных людей московских стрельцов в иерархии чинов Государева двора XVII века // Русь, Россия : Средневековье и Новое время. Вып. 5 : Пятые чтения памяти академика РАН Л. В. Милова : материалы к Международной научной конференции (Москва, 9–10 ноября 2017 г.). М. : МГУ им. М. В. Ломоносова. 2017. С. 623–629.
36. *Матвеев А. А.* Описание возмущения московских стрельцов // Рождение империи. М. : Фонд Сергея Дубова, 1997. С. 359–414.
37. Восстание в Москве 1682 г. : сборник документов / сост. Н. Г. Савич. М. : Наука, 1976. 348 с.
38. Наказ окольничему Ивану Пушкину об исправлении должности черниговского воеводы. 1682 г., октября 15 // ДАИ : в 12 т. Т. 10. СПб. : В типографии Эдуарда Праца, 1867. С. 134–141.
39. ОДИБ МАМЮ : в 21 кн. Кн. 19. М. : Синодальная Типография. 1914. [7], 278, 86 с.
40. Крестьянская война под предводительством Степана Разина : сборник документов (далее – КВСП) / сост. Е. А. Швецова : в 4 т. М. : Издательство Академии наук СССР, 1954. Т. 1. 323 с.
41. КВСП : в 4 т. М. : Издательство Академии наук СССР, 1959. Т. 2, ч. 2. 242 с.
42. КВСП : в 4 т. М. : Издательство Академии наук СССР, 1962. Т. 3. 491 с.

43. Бреззунова В. М. Город Коротояк во время восстания Степана Разина в 1670–1671 годы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : История. Международные отношения. 2018. Т. 18, вып. 3. С. 372–376. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2018-18-3-372-376>
44. Материалы для истории Воронежской и соседних губерний. Воронежские акты / изд. Воронежского Губернского Статистического Комитета : в 2 т. Воронеж : Типо-литография Губернского Правления, 1887. Т. 1. 420 с.
45. Боярский список 7182 (1673/74) г. // РГАДА. Ф. 210. Оп. 2. Боярские списки. Д. 12.
46. КВСР : в 4 т. М. : Издательство Академии наук СССР, 1976. Т. 4 (дополнительный). 280 с.
47. Материалы к истории городского землевладения / сост. В. П. Юрьев // Труды СУАК. Т. 4, вып. 3. Саратов : Типография Губернского Земства, 1894. С. 157–230.
48. Указы, наказы, грамоты, памяти и другие канцелярские бумаги, относящиеся до фамилии Левшиных // Древняя российская вивлиофика, Содержащая в себе : собрание древностей российских, до истории, географии и генеалогии российских касающихся ; Изданная Николаем Новиковым, членом Вольного Российского собрания при Императорском Московском университете ; Издание второе, вновь исправленное, умноженное и в порядок хронологической по возможности приведенное. Ч. 11. М. : В типографии Компании типографической, 1789. С. 368–419.
49. Боярская книга 1658 г. / отв. ред. Н. М. Рогожин ; подг. текста В. А. Кадик. М. : Издательский центр Института российской истории РАН, 2004. 333 с.
50. Белоусов М. Р. Боярские списки 1645–1667 гг. как исторический источник : в 2 т. Казань : Институт истории АН РТ, 2009. Т. 2. 463 с.
51. Челобитная М. В. Голохвастова на людей Головиных в бое, озорничестве и воровстве. 1668, не ранее 11 января // Московская деловая и бытовая письменность XVII века / изд. подготовили С. И. Котков, А. С. Орешников, И. С. Филиппова. М. : Наука, 1968. № 63. С. 76.

Поступила в редакцию 09.01.2023; одобрена после рецензирования 26.02.2023; принята к публикации 12.04.2023
The article was submitted 09.01.2023; approved after reviewing 26.02.2023; accepted for publication 12.04.2023